

АРТЁМ МАЛЫШЕВ

Артем Малышев

Lingva Franca

«Издательские решения»

Мальшев А. Е.

Lingva Franka / А. Е. Мальшев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962139-9

В конце 40-х немецкий переводчик Фостер Кихада поехал в Китай, чтобы закончить перевод «Сна в Красном Тереме», великого китайского романа. Но в Шанхае он попал в необъяснимую ситуацию: люди вокруг внезапно заговорили на неизвестном языке, а солдаты, не объясняя причин, взяли его под арест.

ISBN 978-5-44-962139-9

© Мальшев А. Е.
© Издательские решения

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Lingva Franka

Артем Евгеньевич Малышев

© Артем Евгеньевич Малышев, 2019

ISBN 978-5-4496-2139-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Фостер Кихада не сделал ничего дурного, никто на него не клеветал, но апрельским утром 1949-го года он не смог покинуть Китай и уехать домой в Германию. А потом вовсе попал под арест.

Мягкое солнце, какое бывает только в тихую рань, грело деревянные стены Шанхайского вокзала. На площади длинным рядом раскладывались торговцы, сваливая овощи в кучи прямо на землю. Фостер не спеша протискивался между телег, зевак, работяг и ребятни. Видно его было издалека – хоть и сутулый, но все равно высокий немец, на немца совсем не похожий – но это последнее, что заметили бы в нем местные. Сморщенный и иссохший, как дерево с больными корнями, выглядел он даже старше своих сорока.

В строгом потертом костюме, с кожаным портфелем в руке он шел к билетеру. Внутри портфеля лежал том «Сна в красном тереме» Сюэциня Цао, тетрадки, рукописи перевода на немецкий. Им Фостер мучился последние два года, но так и не закончил.

Тщательно, как под запись, выговаривая на китайском, Кихада спросил у паренька за билетным столом:

– Доброе утро, я бы хотел приобрести один билет до Пекина. На ближайший экспресс.

– Чкюрт Шаонд табег ж дидярзац, – ответил тот.

Фостер переспросил, но ответ прозвучал не лучше:

– Взы юфидыргюлчое едпу, – сказал паренек обыденным тоном и опустил лицо в бумаги на столе.

Слишком застенчивый по жизни, Фостер постеснялся признать, что не разобрал ответ и со второго раза. Пожаловаться на свой китайский он не мог. Наверняка, проблемы с дикцией у кассира, или с собственными ушами, решил Фостер. Чтобы не усугублять конфуз, он просто протянул бумажки.

– Хорошо. До Пекина. Один билет, – как ни в чем ни бывало сказал Фостер, будто разговор только начался. Парень поднял глаза от стола, сощурился так, что белки совсем скрылись под веками. Со смехом вперемешку он заговорил:

– Цдю Юзлаш р пняиццяш пюфа нядцуап о хкывашкныг лэпу!

И не взял деньги.

Фостер в конец растерялся. Люди позади суетились, от их недовольного гудения и топтания выступал пот на лбу. Фостер не придумал ничего лучше, чем изобразить, будто вспомнил важное дело, и растерянно улыбнувшись, пропустил к столу стоявшую позади женщину.

– Пицэг цышэж, зэбюгазн, хювкуя тхядю, – протораторила она пареньку, и тот без слов приступил к оформлению билета. Фостера это вогнало в совершенное недоумение.

Собравшись с духом, он спросил у случайного прохожего, не в курсе ли тот, когда отправляется экспресс в Пекин. Прохожий – старик в темно-синем свободном костюме и такого же цвета маленькой шапочке, уставился на Фостера со смесью возмущения и любопытства на лице. И ничего не ответив, прошел дальше.

Фостера такой исход совершенно травмировал. После войны разговоров он избегал всеми силами. Даже ел ужаснейше только из-за того, что стеснялся покупать овощи и рис. Для хозяйки гостиницы, где Кихада снимал комнату, он предпочитал оставлять записки. Оконфузиться сразу в двух разговорах подряд – такое могло окунуть в тотальное молчание на целую неделю.

Бодрость духа ушла так же резко, как появилась утром. Суций пустяк, а нерешительность и тревога мигом сковали Фостера. Но в то же время он заключил, что спешить некуда, Пекин не пропадет, можно уехать и вечером, и завтра, и через пару-тройку дней. От этого успокоился, хотя на самом деле нет.

Фостер вернулся пешком в гостиницу, где прожил последнюю неделю. Старушка-хозяйка вскинула руками от радости и удивления и, горбясь, засемила навстречу короткими шажками.

– Ерэ емцгекэас тацесьвэхызяю! – воскликнула она. Фостер пожал плечами, краснея до цвета спелого томата. Непонимание начинало его пугать. Старушка тараторила не умолкая, странно жестикулировала и, похоже, приглашала внутрь. Кихада подергал себя за мочку уха, как будто хотел настроить приемник на нужную частоту.

Он уже пожалел что вернулся, но сбежать от старушки было бы еще большей нелепицей.

– Мда, юлвюзе яйем шкядя, жцапгитвгя, дешапю кращкядз щажюсьцм раца нхюдахилюз ю жмяж? – звучало вопросительно. Фостер искал ответ, мычал, экал, фыркал. Старушка вглядывалась в него внимательно, ожидая ответа. Пауза нарастала комом неудобства и неловкости.

– Да, не получилось уехать. Останусь еще на денек. Мой номер свободен? – наконец произнес он, но лицо хозяйки исказило фантастическое удивление.

– Простите, со мной кажется что-то не так. Все утро не могу расслышать ни слова. Видно, персиковая кость в ухе застряла, – произнес он со смущенной улыбкой.

Не отвечая ни слова, побледневшая старушка протянула ключ.

Через пару часов, когда Фостер Кихада дремал в тесной, арендованной за гроши комнате, дверь загрохотала от ударов.

– Вятхо бора я рэлягав Игмогэо Калхя! – кричали из коридора.

Сон о побеге из Европы, как по хлопку, с ледяным испугом сменился реальностью.

– Сэлэжяф! – прокричали с другой стороны, не унимаясь колотить.

– Кто там? – громко спросил Фостер по-китайски, старательно подчеркивая перепад тона, – простите, я никого не жду.

На мгновение удары стихли. Голосов оказалось несколько, они что-то обсуждали.

Следующий удар вышиб дверь с хрустом. Ворвались трое в серо-зеленой форме, с белыми воротниками, красными погонами и сапогах на галифе – солдаты. С винтовками, в повязках на лице, закрывающих все, кроме глаз.

«Вот меня и нашли» – была первая мысль. Вторая – что речь не разобрать из-за масок.

– Вы чего делаете! – вскрикнул Фостер по-немецки, вскочив на кровати. Тут же опомнился и повторил на китайском.

– Ф яжмийю пючфро таехющюбишмык екка! – прозвучал ответ.

Солдат наставил на Фостера винтовку. Фостер поднял руки, ерзая. Он неистово хотел сорваться с места. Сердце в груди грохотало, голова тяжелела и кружилась. «Неужели снова?» – звенела мысль, сухая и противная, как утренняя затхлость во рту.

– В чем дело? – спросил Кихада, ожидая худшего.

– Нтедя ждрюбв шурдоцсия тэбяхуэ а щигйе, – прокряхтел солдат в сторону.

– Я не понимаю... – но не успел он договорить, как двое с винтовками подскочили к кровати, заломали Фостеру руки и поволокли из комнаты. Голова ударилась о стену, со стеллажа посыпались книги.

– Эй! Пустите! Куда... – вскричал он, пытаясь встать и идти самостоятельно. В ответ услышал шипение и нечленоразделное чавкание из-под повязок.

Коридор был пуст, в ровных лучах солнца плавала пыль.

– Куда вы меня тащите, объясните наконец! – взревел Фостер, но в глубине души догадывался. Оттуда же, из глубин памяти, всплывал спертый, медленно плавающий ноздри запах испражнений и гнили, скопившихся в ложбинах бесконечного бетонного подземелья.

Внизу в холле было людно – обслуга гостиницы, постояльцы и еще солдаты. Из-за их спин смотрела удивленная хозяйка в парике и цветастом платье. Еще недавно она подолгу рассказывала о своих внуках – один работает на стройке и скоро получит место на новом государ-

ственном заводе. Второй пропал в 48-ом, «ведь незачем было воевать за Гоминьдан». Сейчас старушка растерянно следила, как Фостера тащат под руки и растерянно хлопала губами.

Целый батальон солдат расталкивал толпу на тесной, шумной улице, полной странных звуков, будто стрекотание инопланетных кузнечиков.

– Боже да что же я такого сделал? – промямлил Фостер сам себе, – вы перепутали меня с кем-то! Перепутали!

– Свтюгоытил фиптычшеа зогуфеу! – крикнул солдат и пихнул его прикладом.

Среди темно синих-одежд, усатых стариков в черных обтягивающих шапочках сновали круглолицые детишки в белых фартуках-рубашках. Солдаты лаяли на них, не подпускали к гостинице. Фостер слушал крики, как будто улицу оккупировали чужестранцы, умело замаскированные под местных.

Еще сильнее удивило другое – синяя вывеска гостиницы с красной надписью. Сегодня вместо нее висела новая, точно на том же месте, тех же цветов, такая же старая и выцветшая – только со странными каракулями вместо иероглифов. Фостер в панике огляделся, пытаясь выхватить взглядом другие вывески, но не успел. Его закинули под брезент грузовика. В полутьме сверкали десятки пар глаз, от связанных людей было не протолкнуться, из-за пота и страха воздух густел киселем.

На секунду Фостеру показалось, что худшее опасение подтвердилось. Но взглядевшись в лица, он понял, все в кузове – китайцы, и только он один иностранец. Толпа выглядела надерганной отовсюду. Рабочие, в потрепанных одеждах, коричневые от загара и грязи. Аккуратненькие студенты и студентки... растерянные мужчины и женщины разных возрастов, даже самых преклонных.

Фостер не успел никого рассмотреть – солдаты затянули брезент. Внутри потемнело, редкие острые лучики из дыр прорезали воздух. Было жарко, как в теплице. Пахло горючим, потом и резиной. Грузовик тронулся, Фостер – не успев усесться – еле устоял на ногах.

– За что нас схватили? – спросил он на китайском. В ответ тишина. Но Фостер не умолкал:

– Вы из Гоминьдан? Это была облава? Меня взяли по ошибке. Я не при чем.

Хотя никто не отвечал, Фостера осенило от своих же слов. Солдаты настолько перепугали его, переполошили страхи, которые уже никуда не денутся из памяти, что самая очевидная причина не пришла в голову.

Конечно же – власть подметает остатки мусора гражданской войны. Наверняка на каждого из этих бедняг донесли. И сейчас Фостер сидит с бывшими полицейскими, солдатами, женами, друзьями сторонников традиционной власти, которая борется с коммунистами, но вот-вот проиграет, и теперь ее представители хотят смешаться с толпой.

Значит, с Фостером действительно произошло недоразумение. Скоро он все объяснит и его отпустят.

– Кто-нибудь знает, куда нас везут? – не умолкал он.

Люди молчали.

– Вы... китаец? – спросил Фостер у соседа, но ответная речь не походила ни на один из мало-мальски известных ему диалектов. Ни один звук не вызывал никаких ассоциаций. Фостер повторил вопрос, на немецком, на английском.

– Японец? – наконец спросил он тихо и осторожно, боясь кого-нибудь оскорбить. С еще большим опасением он произнес по-японски «меня зовут Фостер» – фразу сложнее вспомнить затруднялся.

– О вюрог лызеч? А жон а кунэн, – ответил некий человек откуда-то из темного угла.

– Ножю, царжа чямшц цпекзо! – крикнул кто-то еще. Затем женщина забормотала полупшепотом, кузов наполнялся сюрреалистичным шумом. Когда люди смолкли, Фостер не отважился на новые вопросы.

Грузовик, судя по тряске, давно выехал за пределы Шанхая. Фостер почти взял себя в руки и убедил, что выкрутится. Он сочинил речь и прогнал ее в голове десятки раз. Он все объяснит – почтительно, с толком, с расстановкой и приветливой улыбкой расскажет, кто он такой и что здесь делает, зачем приехал в Китай.

Офицеры точно увидят чистую совесть в глазах – ведь все слова правда. Свернутся со своими бумажками, а потом извинятся. Скажут, «простите, даже в лучшие времена никто не застрахован от ошибки, а у нас тут такое творится...». Поклонятся, посмеются. Солдаты – может те же самые – как ни в чем ни бывало отвезут его обратно в гостиницу. Ведь невозможно, просто невозможно, чтобы повторилось все, как в Германии. Не выпадает на долю одного человека один и тот же ужас два раза. Все будет хорошо.

Но предательская мысль пулей вошла Фостеру в разум – «Реальность всегда расходится с ожиданиями. Если ты что-то представил в красках, значит именно так оно никогда не случится. Лучше представь, как лежишь в свежей канаве со сломанной спиной, под двумя рядами расстрелянных и слушаешь, как на трупы сверху падает земля». Ожила картинка такая, что хочется достать из головы руками, вытрясти, как воду из ушей.

Грузовик ехал быстро, прыгал на ухабах. Иногда резко сбавлял скорость, и сердце Фостера тут же ускоряло стук. «Приехали», думал он, но грузовик объезжал преграду, снова разгонялся. Пока наконец не остановился.

Хлопнула дверь кабины. Распахнулся брезент, солнце больно вцепилось в глаза. Фостер почувствовал как чья-то рука грубо тянет его вниз. Он поддался, но все равно упал в пыль.

– Послушайте, я здесь по недоразумению. Мне нужно поговорить с офицером, – заговорил Фостер вставая. Он поднял голову и остолбенел. Солдат в громоздком резиновом костюме смотрел на него сквозь стекла противозаза, и отвечал молчаливым кивком винтовки.

Из грузовика с невнятным бормотанием, кряхтением, неразборчивой руганью вываливались перепуганные пленники. Фостер осмотрелся. У него перехватило дух, паника защипала виски, колени подкосились. Мысль, страшная как морда летучей мыши, грызла мозг – «Это снова трудовой лагерь».

Он стоял в вытянутой комнате, голый, кривой и сгорбленный. На тощем, сухом теле были сплошь шрамы и старые увечья. Заросшие ожоги, как растянутая рваная резина, бледные пятна на серой коже, порезы, рытвины, грубые швы. На руке татуировка с номером. Колено подрагивало от страха.

Китайцы за стеклом рассматривали его с изумлением. Безуспешно прогоняя страх Фостер попытался собрать в кучку остатки разбившейся на куски речи.

– Простите, я думаю меня забрали из гостиницы по страшному недоразумению. Я не шпион, не имею отношения к Гомиьдан. Да и приехал всего пару недель назад. Проверьте мои документы. Они остались в гостинице, все совершенно законно. Меня зо... – и тут Фостер запнулся. Английское имя, японская фамилия – страны, которых лучше не произносить рядом с китайскими солдатами. Как он мог упустить? На лбу выступил пот – я из Германии, бывший пленник трудовых лагерей СС. Жертва национал-социалистического режима, – Фостер считал, что и этого недостаточно, чтобы смыть с себя ассоциации с нацистом или шпионом, и решил, что надо обязательно уточнить, – Я не воевал за Германию, не был вашим врагом.

Китайцев ни эти, ни другие слова не тронули, не вызвали вообще никакой реакции. Фостер продолжил:

– Я китаист, переводчик. Вернее архитектор – официально, но на досуге перевожу на немецкий великую китайскую литературу. «Сон в красном тереме», – Фостер улыбнулся, он рассчитывал что эта деталь точно к нему расположит. Китайцы и ее пропустили мимо. Они переглянулись. Наконец, один встал и заговорил:

– Р фечдлющ цуэне ю о гя р пык кы фигоп цшиылшыякц, пмы рхгож мвчаркулэдр шшо-
бидяжлиу голифни вгешад ноыб есосхю. И а кытош, цилсеззчы ежо дидфюдимпее вющу а л
фичнюлфяц тнеым, а рю фсввясот...

– Простите, я не понимаю, – пытался перебить его Фостер, но китаец издавал звуки
не обращая внимания.

– ...Пвиле гэ, щюе боттаы жцепа у нувнай ало – хяшйятрп щювмыжя – цы кйыеч юм
угоущ е щизухтущ кнычяф. Стиб я мявхейнии адлищоча гяра. Нью жяжгхэ, дющагй яшю негювы
фэ ытщнидесц...

– Почему вы не говорите на китайском? Я отлично знаю язык, я же переводчик,
говорю вам.

– ...В ныпапикфы, тнахефащю сидяфсюг ю фюсшыщячовыт йфачнаж, а дюп тэщвв щцю-
кйвеа е сепгикщэю, мынокмя т цылдамполя идецйе, кадюнукли уномцессесе офвпопа, мги-
сюлгызеш тигынащсчфощю мюрпижмисэышю, симэсюпы иситюпяд ю цсюнам, ю руп, рпешыл
нэгрляэ дурщф щишна, зюд э явтафхю жязйилбгэнмюц ю сифщогрэц.

Солдат замолчал, внимательно посмотрел на Фостера. Спустя мгновение с разочарова-
нием отвернулся и сел на место. Встал второй и взял со стола пачку больших белых листов
бумаги. Он подошел к стеклу, чтобы арестованный хорошо их видел. На бумаге были в лине-
ечку нарисованы странные узоры.

Фостер растерянно поглядел на листы.

– Ося лжей ефим? – Звук из уст солдата прозвучал вопросительно.

– Что? Что вы мне показываете? Я не понимаю, что вы от меня хотите. Говорю же, я
не сделал ничего плохого. Просто приехал увидеть Китай, всегда мечтал. Я турист, не шпион,
жертва лагерей...

Китаец невозмутимо отложил лист бумаги в сторону. Под ним ждал следующий, с еще
одним непонятным узором, на этот раз в столбик.

– ы я мягор римибябд?

Фостер ждал, когда ему ответят. Всмотривался в листок, в лицо китайца, снова в листок.

– Вы меня слышите?! – не выдержал он.

Китаец оглянулся к своим, спокойно переходя к следующему листу.

– Зшэа, щнамяф чи лми шдоху, дя ебоурв оч хяктжя уш эхтево ледх хэфыпыя кюса
ицяпувр? – пробормотал солдат в сторону товарищей.

– Рыщшы ездяфыдша в шоптивчрынши фивтэрная ижавачушмппопо шющщцоц кефиад.
Нув! Нуври лэ дофацыеч рню юрэтопщбяхф сюсыптею вочцю – хя цедшаэ зюдащи ф чейкво-
локугач оречзэн, фшищюа йрыпштадиц, ги вюфшэж еваб, мя ятасею юффэцч – ответили ему.

– А нсыжым додытош жо омныг а актем щфыщ гяры сылви, яцю я пфюцхчо а печю па
цхачя мызш юпунуфюыщ?

– Цащюмаэ рыржялея чмишщво хо кепшш.

Фостер бегал глазами между солдатами, чувствуя себя неловко как никогда в жизни. Этот
абсурд вымещал из головы даже страх.

– Что происходит? Почему я вас не понимаю? Я просто хотел увидеть Китай, всегда
хотел, и все, больше ничего. Нормально пожить и забыть, – чуть не рыдая говорил Фостер.

Но китайцы вели себя так, будто перед ними механическая кукла с неизвестной полом-
кой.

Дверь в комнату открылась, на пороге ждал солдат в противогазе. Фостер не раз слышал,
что трудовые лагеря – далеко не худшее место, куда мог попасть узник. Фостер понял – с ним
уже начали делать нехорошие вещи. Но он слишком привык к мысли, что худшее осталось
позади. Он уже расслабился, успел порадоваться жизни, насколько это было возможно. Еще
раз пытку он не переживет.

Солдат махнул рукой.

– Уроговфла е ме орсимюелч! – крикнул он. Фостер повиновался и пошел к выходу.

«Любовь к Китаю слишком дорого мне стоит – слишком», подумал он. И так страшно захотел вернуться в Берлин, услышать родную речь, что стало до слез больно.

Фостер проклинал все на свете, лежа на земле в огромной палатке. Вокруг были одни китайцы, которых сюда сгоняли весь день. Заговорить ни с кем не получалось. Они либо молчали, либо бормотали чепуху, как и все остальные.

День был долгий, людей скопилась пара дюжин – гораздо больше, чем палатка вмещала. Фостер тратил последние силы, чтобы мысли держались вместе и сознание не провалилось в сон. Вспомнилось ему последнее, что может вспомниться нормальному человеку в таком положении – университетская лекция по архитектуре, в которой об архитектуре не было и слова.

Ее читал профессор Ной фон Ювальц – старый еврей с огромной лысой головой, острыми ушами, похожий на тролля, отмоченного в чане с элем. Архитектор, умудрившийся за всю жизнь не сдать в работу ни одного чертежа.

– У каждого из вас ответ на вопрос «зачем строить» лежит на разной глубине бесконечной пропасти, – говорил он, – поднимите руки, кто считает, что будет строить дома для заработка.

Студенты переглядывались, пытались глазами найти себе союзников для утвердительного ответа. Фостер неуверенно поднял руку.

– Кто хочет обеспечить людей крышей над головой? – Поднялось много рук, – Кто реализовать свои амбиции? – Рук еще прибавилось. Профессор окинул аудиторию оценивающим взглядом.

– Вот вам и ответы. Их вполне достаточно. Можете идти, – Студенты засмеялись, аудитория зашелестела шепотом.

– Я не запрещаю. Это очень хорошие ответы. Они лежат как раз на той глубине, где земля теплая и плодородная, а из выкопанной ямы можно вылезти в любой момент. Потому что сейчас я предложу вам копать на ту глубину, где холодно, пусто, темно, ничего не видно. А когда становится непонятно, зачем было копать – наверх уже не выбраться.

Вернемся назад, где вселенной еще нет и ничего нет, есть только один импульс – к объединению. Частички объединяются в молекулы, молекулы в пыль, пыль в камни, камни в планеты, но бог с ними, вам интереснее послушать о человеке.

Появился человек, и в голове каждого человека появился образ. Называйте это мыслью, разумом или душой – как вам благоволит ваша вера и убеждения. Я, с вашего позволения, остановлюсь на слове «образ», и надеюсь, вы поймете, что буду иметь в виду.

Это странная штука. Если голову человека разбить, никакого образа оттуда не достанешь. В материальном мире его не существует, и нигде не существует. Образ не пощупать, не разглядеть – но он все-таки существует в невидимой одиночной камере и хочет вырваться оттуда, чтобы объединиться с другими образами.

Для этого они начали придумывать инструменты побега. Появился язык, образы привязались к витиеватой цепочке слов, слова стали их посредниками на воле и добились невероятного. Материальный мир стал меняться под давлением несуществующих в материи вещей.

Вот пример – человек говорит: «этот камень принадлежит мне, и никто его не возьмет». Всего лишь озвученная мысль, верно? Щелчок в пустоте. Колебание воздуха с определенной частотой, не больше. Оно проходит без последствий, не рушит, не меняет структуру материи. Ничего. Но другие люди почему-то больше не могут взять этот камень, а если и берут, то чувствуют неприятные ощущения.

Дальше человек говорит: «Люди взявшие мой камень – нелюди, и должны быть убиты». И эти люди, несмотря на то, что материально остаются людьми, признаются нелюдями и их начинают убивать.

Образы сливаются в порядки. Порядок – это модель реального слияния нескольких образов в один.

У объединения есть безотказный инструмент. Парадоксально, но это разделение. Люди научились строить стены между друг другом, чтобы за стенами объединение образов шло быстрее и удобнее. Причем по разные стороны стены образы формировали разные порядки. Но потом стена падала, и маленькие порядки все равно сливались в один большой.

На этом моменте родилась наша профессия – строителей. Но как любая другая, она нужна, чтобы однажды стать ненужной.

По всему миру расселились тысячи групп, огороженных друг от друга. Разделившись, они вскоре объединились в сотни племен. Племена объединились в страны, страны в империи. Сейчас империй осталось три-четыре, так? Великая Война показала – чем меньше остается порядков, тем больше идет слияние. Расшибаются миллионы черепных коробок.

Пожмут ли солдаты друг другу руки или перетравят газом – объединение случится так и так. Вместо трех империй сложатся две, потом одна. Вместо ста языков будет один, и неважно переучат или поубивают оставшихся носителей. Все, чего хочет человек, все его мотивы – это желание стать одним всеобъемлющим гиперчеловеком. Но это только половина первого шага.

Рано или поздно образы совершат побег, отбросят посредников и объединятся по-настоящему. Отдельные разумы станут одним коллективным. Звери, растения, люди – на этой и на других планетах объединятся сетью. Каждый организм сети будет чувствовать все остальные одновременно и вскоре утратит ощущение себя как отдельного организма вообще.

Когда объединится нематериальное, импульс сольет и все материальное тоже. Разогнавшись до невероятной скорости, объединение сожмет органику и неорганику в один комок. Затем громоздкий сгусток размером с бесконечную вселенную начнет сжимать свои частицы...

Профессор замолчал.

– И что будет после того? – спросили его.

– Все сожмется в одну точку, не выдержит плотности, взорвется и начнет собираться по кусочкам с начала.

– И какой в этом смысл?

– Никакого – сизифов труд.

Фостер помнил, как не уловив и трети слов «старого еврейского алкоголика», вместе со всеми крутил пальцем у виска и, наверное, лет через пять профессору покрутили у виска уже не пальцем. Философствовать о смыслах можно только от безделья, считал Кихада. Архитектура – дело прикладное и точное, ей не до чуши.

Но сейчас Фостер все-таки попытался философствовать, чтобы себя успокоить и толкнуть на большое дело. Жить хотелось, но избежать очередной пытки и заключения хотелось еще больше. Поэтому Кихада четко решил – надо покончить жизнь самоубийством.

Он помозговал, как это проверить, искал острые предметы и незаметные высокие столбы, но ничего не нашел. И тогда в голову пришла блестящая идея – бежать из лагеря прямо под винтовки надзирателей. Смерть будет красивой, героической и не от своей руки. Идеально.

Фостер твердо и громко выдохнул. Рывком поднялся и пошел к выходу из палатки. Театрально ее распахнул, соорудил гримасу, вдохнул утренний воздух и побежал.

– Оставьте меня! Отпустите! – истошно кричал немец не узнавая свой голос. Он нелепо, будто пойманный окунь, дергался в руках солдат.

Самоубийство пошло не по плану. Уже на ходу Фостер передумал и решил превратить фиктивный побег в настоящий. Давно он не бегал так отчаянно. Ноги обрушивались на землю,

удары отдавали в спину и затылок. Ворота были ближе и ближе. Фостеру вдруг показалось, что вот-вот он окажется на свободе.

Мимолетное убеждение в бессмысленности жизни вдруг прошло, философствовать о бренности бытия на бегу не получалось. От запаха свободы, от движения и мощной нагрузки захотелось жить и бороться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.